

Карамзин Н.

6.04.91

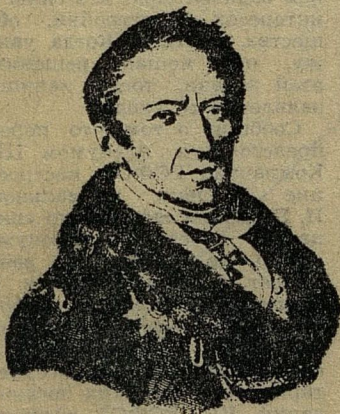
ОСНОВАНА В ИЮЛЕ 1956 ГОД

Николай КАРАМЗИН

Сов. Россия

1991-6410110
-2.1.

Мнение русского гражданина

Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виню Петра!

Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много Патриотов, но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве — а смирение в Политике вредно. Кто самого себя не уважает, того без сомнения и другие уважать не будут.

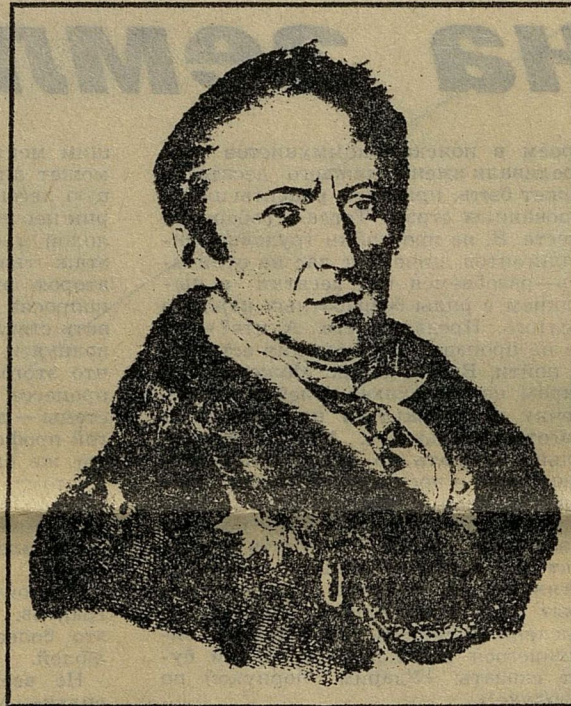
(Окончание на 4-й стр.).

Неизвестный Карамзин

Обращаясь к публикации старинного письма государю известного русского историка и гражданина Николая Михайловича Карамзина, невольно задаешься вопросом: как измерить степень любви человека к Родине? Неважно кто ты — пахарь или писатель, доярка или историк, император или солдат, — любовь твоя, если ты гражданин, жертвенна, и сколько бы сил душевных ни отдавал ты ей, — всегда перед нею в долгу. Но если простой труженик свое служение Родине соизмеряет с силой своей души, люди, призванные на государственную службу, еще и несут ответственность за бытие Отечества, в чем также проявляется и любовь к Родине. Примером удивительным высоты и стойкости патристического служения Отечеству служит письмо Н. М. Карамзина Александру I, которое публикуется на этой странице. Оно относится к периоду Отечественной войны 1812 года и несет в себе редкой силы нравственный заряд.

С победой России над Наполеоном Карамзин связывало очень многое. Он полагал, что Отечество, «потрясенное бурей, укрепитися может быть, в корне своем, на новое тысячелетие».

И каково же было удивление историка, когда он увидел, что сразу же после блистательной победы над агрессором началось расшатывание государственных устоев. Совершенно непостижимым для его разума было то, что инициатором таких «перемен» стал император Александр I, с которым автор «Истории государства Российского» имел добрые отношения. Осенью 1819 года император сообщил Карамзину в одной из бесед, что желает восстановить Польшу «в ее древних границах». Это сообщение Александра I произвело на писателя такое сильное впечатление, что он решил объяснить с императором письменно. Составленная им записка «Мнение Русского Гражданина» была вручена самодержцу. Александр I пытался убедить историка в своей правоте (беседа длилась всю ночь), но тот был непреклонен. После беседы с царем Карамзин написал послесловие

к записке, озаглавив его «Для потомства». В нем, в частности, говорилось: «Читано Государю в тот же вечер. Я пил у него чай в кабинете, и мы пробывали вместе, с глазу на глаз, пять часов. На другой день я у него обедал, обедал еще и в Петербурге, но мы душою расстались, кажется, на века. Потомство! Достойно ли я быть имени гражданина России? Любил ли я Отечество? Верил ли добродетели? Верил ли Богу...».

По прошествии довольно значительного времени царь (усомнившись, видимо, в своей правоте после беседы с Карамзиным) признал свою ошибку, и отношения между императором и историком еще более укрепились. «Записка» Карамзина долгие годы не публиковалась «по обстоятельствам времени». В 1862 году она была опубликована в ничтожном тиражом и сразу стала библиографической редкостью. В 1898 году «Записку» переиздал внук Карамзина князь Н. П. Ме-

щерский. Широкий читатель с этими изданиями «Записки», разумеется, не знаком, но-видимо, также по «обстоятельствам времени». А обстоятельства нашего времени таковы, что каждому россиянину подобного рода документы необходимо знать, ибо они создавались великими предками нашими как завещание государям и всему народу.

В наше «плюралистическое» время почему-то все внимание прессы сосредоточено на выявлении тех архивных документов или забытых публикаций, которые способствуют пропаганде идей «разгосударствления» по всем направлениям. При этом «забывается» наказ наших великих предков, предупреждавших, что самой вожделенной мечтой врагов России во все времена была раздробленная Русь, поглощенная внутренними междо-

Устав, сенатором отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, кандидат исторических наук В. ЛОСЕВ.

МНЕНИЕ РУССКОГО ГРАЖДАНИНА

Государь! В волнении души моей, любящей Отечество и Вас, спешу после нашего разговора излить на бумагу некоторые мысли, не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке. Как мы говорим с Богом и совестью, хочу говорить с Вами.

Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя как Христианин, благотворя врагам. Государь! Вера Христианская есть тайный союз человеческого сердца с Богом; есть внутреннее неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и мира; выше всех законов — физических, гражданских, государственных — но их не отменяет. Солнце течет и ныне по тем же законам, по коим текло до явления Христа-Спасителя: так и гражданские общества не переменили своих коренных уставов; все осталось, как было на земле и как иначе быть не может; только возвысилась душа в ее сокровенностях, утвердилась в невидимых связях с Божеством, со своим вечным, истинным Отечеством, которое вне материи, вне пространства и времени. Мы сблизились с Небом в чувствах, но действующим на земле, как и прежде, действовали. Несмысл от мира сего, сказал Христос, а гражданин и государства в сем мире. Христос велит любить врагов; любовь есть чувство; но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил воинам оборонять государства. Вы — Христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России, как Греки-язычники истребили Персов на полях Эллады; Вы исполняли закон государственный, который не принадлежит к Религии, но также дан Богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ. Как Христианин любите своих личных врагов; но Бог дал Вам Царство и вместе с ним обязанность исключительно заниматься благом оного. Как человек по чувствам души, озаренной светом Христианства, Вы можете быть выше Марка Аврелия, но как Царь Вы то же, что он. Евангелие молчит о Политике; не дает новой: или мы, захотев быть Христианами-Политиками, впадем в противоречия и несообразности. Меня ударят в ланиту: я как Христианин

должен подставить другую. Неприятель сожжет наш город: впустим ли его мирно в другой, чтобы он также обратил его в пепел? Как мог язычник Марк Аврелий, так может и Христианин Александр благотворить врагам государственным, уже побежденным, следуя закону человеколюбия, известного и добродетельным язычникам, но единственно в таком случае, когда сие благотворение не вредно для Отечества. Любите людей, но еще более любите Россиян, ибо они и люди, и Ваши подданные, дети Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра: но Александр взял их Русскою силою, а Россиян дал Ему Бог, и с ними снискал Он благотворительную славу Освободителя Европы.

Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и к самой справедливости? Во-первых (не говоря о Пруссии), спрашиваю: Австрия отдала ли добровольно Галицию? Можете ли Вы, творец Священного Союза, объявить ей войну, противную не только Христианству, но и государственной справедливости? Ибо Вы сами признали Галицию законным владением Австрийским. Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную собственностью России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли Государя блюсти целостность своих Держав? Сии земли уже были Россией, когда Митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами называли Великою. Скажут ли, что она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнее, если бы вздумали заглаживать ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все Государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний. Екатерина отвечает Богу, отвечает Истории за свое дело; но оно сделано и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное Российское владение. Старых крепостей нет в Политике:

иначе мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское и так далее. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волыния, Подолия вместе с Галициею были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска; ибо они также долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правом было: ни пади ни врагу, ни другу! Наполеон мог завоевать Россию; но Вы, хотя и Самодержец, не могли договором уступить ему ни одной хижинки Русской. Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите? Россия, Государь, безмолвна перед Вами; но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела некогда Историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного Отечества, доброй, сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Вам Поляки; извиняем их, но Вас бы мы, Русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплескания свергнули нас в отчаяние. Государь, ныне славный, великий, любезный! Ответствую Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши. Я слышу Русских и знаю их: мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к Царю; остыли бы душой и к Отечеству, вялая оно играла бы самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением Государства, но и духом; унизились бы пред другими и пред собою. Не опустел бы, конечно, дворец: Вы и тогда имели бы Министров, Генералов: но они служили бы не Отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы... А Вы, Государь, гнушались рабством и хотите дать нам свободу!

Одним словом... и Господь Сердце-

ведет да замкнет смертью уста мои в сию минуту, если говорю Вам не истину... одним словом, восстановление Польши будет падением России или сыновья наши обогрют своею кровию землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу!

Нет, Государь, никогда Поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилят их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века, и если не бессмертны телом, то бессмертны славою! В делах государственных чувство и благодарность безмолвны, а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Волыния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской. Чей голос должен быть слышнее для Вашего сердца? Они в случае войны, впрочем, ни мало невероятной (ибо кому теперь восстать на Россию?), могут изменить нам: тогда накажем измену силою и правом: право всегда имеет особенную силу, а бунт, как беззаконие, отнимает ее. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее Поляков-Россиян.

Государь! Бог дал Вам такую славу и такую Державу, что Вам без благодарности, без греха Христианского и без тщеславия, осуждаемого самою человеческою Политикою, нельзя хотеть ничего более, кроме того, чтобы утвердить мир в Европе и благоустройство в России: первый бескорыстным, великодушным посредничеством; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже приобрели имя Великому: приобретите имя Отца нашего! Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, как оно есть ныне; но да существует, да благоденствует и Россия, как она есть и как оставлена Вам Екатериною!.. Екатерина любила Вас нежно, любила и наше Отечество: Ея тень здесь присутствует... умоляю. Царское Село, Окт. 17, 1819.